

ПРЕПОДАВАНИЕ РИМСКОГО ПРАВА В РУССКИХ- УНИВЕРСИТЕТАХ: КОНТЕКСТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Рецепция, в какой бы стране она не происходила, помимо аспекта собственно юридического, сводящегося к адаптации местным правом римских институтов и процедур, непременно обретает и аспект идеологический. Так или иначе, но всегда происходит соотнесение римского права с ценностями, заложенными в присущих данной эпохе типах восприятия социально-политической действительности. Результатом этой операции могла стать пламенная защита рецепции (при отождествлении римского права с этико-социальными ценностями, чтимыми носителями данного мировосприятия) или же, наоборот, ожесточенное сопротивление ей (при обнаружении конфликта римского права с соответствующими этико-социальными ценностями). Но и при том, и при другом исходе мотивы, побуждающие сочувствовать проникновению римского права в национальный юридический обиход или негодовать по этому поводу, будут иметь не столько специально-юридический, сколько идеологический характер.

Не представляло в этом отношении исключения и то усвоение норм римского права, которое имело место в России. Вялотекущая рецепция (первоначальный толчок которой, если не считать каналов канонического права, был дан петровскими преобразованиями) оживает здесь в эпоху, открытую „Великими реформами“ 60-х гг. XIX в. Ликвидировав крепостное право и допустив большую свободу хозяйственного оборота, Россия встала на путь модернизации, в том числе и правовой системы. Как следствие – повысилось внимание к возможностям римско-правовых механизмов в деле регулирования имущественных отношений; к приспособлению институтов римского права для нужд пореформенной действительности; наконец, к методологическим и методическим проблемам изучения и преподавания римского права.

Вместе с тем процесс восприятия римско-правовых норм попадает в эпицентр идеологических баталий, быстро выявивших идеологический статус римского частного права. Практически для всех течений русской мысли сущность римского частного права стала инобытием таких ключевых понятий историсофского дискурса как „рациональность“, „индивидуализм“, „Запад“. Впрочем, хотя и значительно реже, римское частное право соотносилось также с понятиями „порядок“ и „стабильность“.

Эти соображения общего плана следует иметь в виду при анализе воззрений русских радикалов, либералов, консерваторов относительно места римского час-

тного права в рамках высшего юридического образования (что и является ближайшей задачей настоящей статьи).

Поскольку, характеризуя идейную принадлежность основных участников полемики о судьбах римского права как учебной дисциплины, приходится оперировать такими терминами как „радикализм“, „либерализм“ и „консерватизм“, то следует отметить, что границы между „радикализмом“ и „либерализмом“ в университетской среде (по крайней мере, в рассматриваемый период) были куда более размыты, чем границы между ними обоими, с одной стороны, и „консерватизмом“ – с другой.

Кроме материалов общественно-политической периодики незаменимым источником по обсуждаемой теме являются вступительные лекции, предпосылаемые университетскими преподавателями чтению курсов истории и догмы римского права. Содержащиеся в этих вводных словах опровержение мнений о вредности римского права и обоснование важности его освоения, помогают точнее очертить то поле идеологических значений, специфичных для России времен царствования последних Романовых, куда оказалось „включенным“ римское частное право.

I

Представители радикального крыла русской общественной мысли относились к усиленному преподаванию римского права, как правило, негативно. Они находили, что в нем слабо выражен социальный аспект и, наоборот, утрирован аспект охранительный, защищающий наличное распределение собственности. Что касается либералов, то в своей большей части они поддерживали расширение преподавания римского права, рассматривая его как эффективное средство большего сближения отечественной правовой культуры с европейским правопониманием. Большой сложностью, как будет показано ниже, отличался подход консерваторов.

Как ни покажется странным, но одним из зачинателей разгоревшейся на рубеже XIX–XX вв. дискуссии о судьбах преподавания римского права стал видный русский романист, профессор Университета Св. Владимира (Киев) А. М. Гуляев. Собственно говоря, в его намерения не входило поставить под вопрос значение римского права для подготовки будущих юристов. Гуляев предлагал лишь подумать над оптимизацией распределения учебного времени между римским правом и отраслевыми цивилистическими дисциплинами. Существовавшая же на данный момент диспропорция подтверждалась Гуляевым во всеоружии впечатляющих цифровых данных. „Число часов римского права в наших университетах возросло до неслыханных даже для всей Западной Европы размеров, оставив за собой даже университеты Германии. В одном из наших университетов число часов римского права доведено до колоссальной цифры 42 часов в неделю, тогда как в

других это число колеблется около 30 часов. Причем в это число не входят обязательные курсы¹.

Как показал последующий ход событий, приведенная профессором-романистом статистика стала „козырной картой“ для поборников гораздо более радикальной ревизии положения, занимаемого римским правом в программах высшего юридического образования. От их имени слово взяли сторонники „национальной программы“, объединившиеся вокруг редакции газеты „Россия“ и находившие подтверждение тому, что „русская юриспруденция до сих пор еще переживает период рабского подражания немецкой юридической литературе“, не в последнюю очередь, в непомерно „раздутой“ роли, которое, на их взгляд, играло в стенах российских университетов римское право. Непосредственный же сигнал к натиску „России“ на римское право как одну из центральных дисциплин высшего юридического образования подал, сам не желая того, Г. Ф. Шершеневич. Этот известный русский цивилист и теоретик права поместил в профессиональной прессе статью, доказывающую, что дела обстоят вовсе не так уж печально, как то рисуется воображению ратборцев с гнетом римского права. В России, убеждал Шершеневич, „не душат римским правом, как в Германии; отечественным гражданским, как во Франции; напротив, у нас гражданскому праву не дано преобладание и юрист у нас получает значительно более всестороннее образование, чем в университетах Франции и Германии“².

Оптимизм, излучаемый профессором Казанского университета, отнюдь не заразил публицистов „России“. Наоборот, он показался им по меньшей мере наигранным. Радужные построения Шершеневича, по мнению „России“, не могут затушевать того, что программы юридических факультетов российских университетов „представляют собой прямое подражание немецким университетским порядкам“. Более того, по расчетам „России“ средний объем учебного времени, отданного римскому праву в отечественных университетах, составляет 376 академических („номинальных“) или 282 полных часа, тогда как „в Германии всего 259 часов, в Бельгии – 280 часов, в Италии – 250 часов, в Австрии – 240 часов, а во Франции – 275 часов“. Не задерживаясь излишне на том, что в указанных странах уже существовало на тот момент гражданское законодательство, польза от изучения которого была сопоставима с пользой, приносимой изучением римского права, газета заключает: „дальше в чрезмерном расширении преподавания римского права идти некуда, и в этом отношении мы, к сожалению, опередили Европу“.

При этом „Россия“ выражала готовность объяснить преимущественное внимание к изучению римского права в Европе „историческими причинами“, хотя бы уже тем, что здесь римское право „долго сохраняло роль действующего права“ и „кодексы многих государств были составлены под его сильным давлением“. Однако же в России римское право „никогда не играло такого важного значения“, а следовательно, и „доминирующая роль этого права на наших факультетах не может

¹ Гуляев А. М. Реформа юридического образования в Германии // Журнал министерства юстиции. 1897. № 10.

² Шершеневич Г. Ф. О желательной реформе высшего юридического образования // Право. 1900. №4.

быть оправдана даже с исторической точки зрения³. По своей схоластике, обременительности и, в конечном счете, ненужности преподавание римского права в университетах „Россией“ приравнялось к роли „древних языков в классических гимназиях“³.

Существенно, что рассматриваемая дискуссия была инициирована не только сугубо внутренними причинами. Активность противников широкого преподавания римского права подогревалась и внешними факторами. Полемика, развернутая в российской печати, происходила во многом с оглядкой на течение и последствия аналогичной полемики, состоявшейся несколько ранее в Германии и заполнившей в общей сложности все последнее десятилетие XIX века. Ее первым раундом стали дебаты относительно полезности классической модели образования. Поддержание сплоченности в только что созданном едином немецком государстве требовало, помимо экономических и административных мероприятий, еще и насаждения такой идеологии, которая способствовала бы сглаживанию социальных и региональных противоречий и оказываемого ими центробежного эффекта. Это хорошо понимал Вильгельм II, а также те правители Германской империи, кто, как и молодой император, сделал ставку на всемерное поощрение шовинистических настроений, в том числе при помощи воспитания подрастающего поколения в националистическом духе. Среди жертв возвещенного курса на „пробуждение национального чувства“ оказалась классическая модель гимназического образования, которую сочли носительницей скорее космополитических, чем патриотических начал.

Как правило, недругами классического образования в России являлись лица, одновременно далеко недружелюбно относившиеся к Германии. Но последнее обстоятельство никак не помешало им с необычайным воодушевлением воспринять гонения на классический тип средней школы, санкционированные немецким руководством. И это легко объяснимо. Многие неприятели классического образования видели в его внедрении еще одно проявление бездумного копирования Россией европейских, а если говорить про область науки и образования, то прежде всего немецких, образцов – „классицизм явился у нас в огерманенной форме, заквашенной на древнеязыческом фетишизме и протестантизме“⁴. Оттого они лелеяли надежду, что ввиду такой механической подражательности развязанная в Германии кампания по законам цепной реакции перекинется и на Россию. Поэтому-то, занимающий в целом четкую антинемецкую позицию журнал „Наблюдатель“ вместе с тем искренне переживал за успех предпринимаемых Вильгельмом II усилий по постановке обучения немецкого юношества на национальный лад, помещая пространные выдержки из речей германского монарха. Например, такие: „Мы должны отрешиться от традиционного, средневекового монашеского образования, в котором главную роль играет латинский элемент с некоторым добавлением

³ Реформа юридического образования // Россия. 1900. № 272. С. 1–2; № 273. С. 1–2. Большую часть фактического обоснования высказываемых ей утверждений „Россия“ извлекла из указанной выше статьи проф. А. М. Гуляева.

⁴ Некрасов П. А. Школа, воспитательное образование и задачи гуманизма // Колокол. 1907. № 461. С. 2–3.

греческого. Нам надлежит воспитывать молодых немцев, а не римлян. Прежде всего, нам необходимо знать отечественную историю. Отчего современная молодежь так легко совращается? Оттого, что наша молодежь не знает истории развития наших порядков. Мы должны поставить во главу угла образования немецкий элемент. Необходимо прежде всего ознакомиться с собственным домом, со всеми его комнатами и чуланами и только освоившись с ними, мы можем пойти в музей⁵.

Университетские круги Германии, стоило только начаться наскокам под флагом немецкого национализма на классическую модель образования, охватили мрачные предчувствия, что дело не ограничится только гимназической сферой и только преподаванием древнегреческого и латыни. В этом отношении показательна принятая от имени Лейпцигского университета декларация, на которую с таким сочувствием отозвались преданные идее классического образования „Московские ведомости“. В обращении этом говорилось „об услугах, оказанных Германии классическими школами и выражалось пожелание сохранения на будущее время этого типа учебных заведений“. Примечательно, что, „в числе прочих Декларацию подписал Виндшейд, известный знаток Пандект“ (и это обстоятельство „Московскими ведомостями“ было специально подчеркнуто)⁶. Впрочем, и русские романисты проявляли немалую обеспокоенность тем, что, начиная с 90-х гг. XIX в., стали „особенно часто встречаться резкие нападки на классицизм и его образовательное и воспитательное значение“⁷.

И действительно, как только стало очевидно, что принятие Гражданского Уложения произойдет в течение обозримого времени, со всей остротой встал вопрос о пересмотре программ юридических факультетов. „Профессора-цивилисты, понимая, что этот пересмотр не может быть особенно благоприятен для римского права, читавшегося во всех формах и под всеми соусами, как веками испытанную дисциплину для питания ума и сердца юристов. И действительно, в течение шести столетий немецкая юриспруденция выросла и расцвела на почве римского права. Она стояла вне конкурса в сравнении с развитием юридических наук во всех других странах. Со всех концов света съезжались изучать юриспруденцию в Германию. Понятно, что немецкие юристы самым серьезным образом оплакивали падение немецкой юриспруденции ввиду неизбежной потери римским правом его векового доминирующего значения“, – не без ехидства писала „Россия“, как было показано выше, не питавшая особых симпатий к римскому праву в качестве ключевой дисциплины юридического образования. С другой стороны, понятно, что раздававшиеся в ходе этой дискуссии доводы сторонников сохранения за римским правом его позиций находили благодарный отклик в среде российских приверженцев приоритета романистики и вообще классической модели образования.

⁵ Фонограф // Наблюдатель. 1891. № 1. С. 30.

⁶ „Н.В-ий.“ Германские университеты о гимназической реформе // Московские ведомости. 1891. № 68. С. 3–4.

⁷ Соколовский П. Е. Значение римского права для современных народов и его прямое значение для России. Киев, 1891. С. 1.

Весной 1896 г. в Эйзенахе состоялась конференция, на которую съехался весь цвет немецкой цивилистики. Общий тон был задан докладом проф. Рюмелина, в котором между прочим говорилось следующее: „Спорить против римского права может заставить разве туманный германский патриотизм, но вовсе не какие-либо основательные соображения, если будущее гражданское право в основе своей представляет не что иное как кодифицированное общее право (Gemeines Recht), то юрист должен знать главный источник частного права – римское право. Должно требовать не только того, чтобы юрист знал основные понятия и правила пандект, но также и того, чтобы он был в состоянии читать *Corpus juris*. Если мы откажемся от римских источников как от образовательного средства для наших юристов, если наши судьи будут не в состоянии проследить до первоисточника известные юридические правила, взятые из *Corpus juris*, если указания римских источников перестанут быть им понятными – то уровень нашей судебной практики, без сомнения, значительно понизится“. Принятые конференцией решения отстаивали статус-кво в отношении учебных программ, а речи, произнесенные в прениях немецкими поборниками неприкосновенности курсов римского права точь-в-точь совпадали с заявлениями по данному предмету их российскими единомышленниками.

Напротив, борцы с „игом“ римского права в программах высшего юридического образования соперничали точке зрения неприятелей римского права из числа делегатов конференции. „Профессор-романист Блуме был один из тех немногих, кто пошел наперекор главенствующему сердцу университетской профессуры настроению. Он опроверг „старческий лепет“ на тему о том, что римское право является для всех народов и веков неисчерпаемым источником для роста юриспруденции и формирования юристов. „Римское право, – заявил проф. Блуме, – слишком далеко отстоит от современных условий жизни. Юриста, чуткого к запросам жизни, может воспитать только изучение современных правовых условий с их экономическими оттенками и этической окраской“. Эту точку зрения поддержал и проф. Штубе: „Свежим духом веет от новых планов преподавания, сокративших в три раза время, отводимое на изучение римского права. Изучение гражданского права выдвинуто на первый план, римское же право получает подобающее ему место как историческое основание действующего права. Неужели только толкование пандектных текстов способно развить юридическое мышление? Гражданское и Торговое уложение заключают в себе массу юридического материала, изучение которого имеет такое же педагогическое значение, как и анализ изречений Папиниана и Павла“⁸.

В ответ раздалась язвительная реплика „Юридической газеты“: „Чем мы можем заменить римское право? Уж не первую ли часть X тома Свода Законов предложим мы для развития юридического мышления вместо виндшейдовских или бринцевских Пандект? Или, может быть чтение нашего Полого Собрания Законов может заменить изучение законов XII таблиц и Институций Гая?“. Решив продолжить полемику, „Россия“ пишет: „Следуя логике „Юридической газеты“

⁸ Реформа юридического образования // Россия. 1900. № 273. С. 1–2.

против упразднения преподавания древних языков можно возразить иронией не хотят ли заменить их церковнославянским языком? Но мы и не думаем возражать против древних языков в пользу церковнославянского языка, и, соответственно, не предполагали возражать против римского права в пользу X тома Свода Законов или Полного Собрания Законов. Римское право нужно заменить обстоятельным ознакомлением с иностранным законодательством по гражданскому праву и процессу, по торговому праву и процессу, по уголовному праву и процессу и т.п. + Римское право – незаменимый материал для порчи юридического мышления. Юрист предназначается не для схоластических упражнений. Он должен мыслить в области права как человек и тогда он будет юристом. Если же он теперь мыслит как юрист, то в том повинна современная юриспруденция, вскормленная римским правом. В свое время эта пища была пригодна, а теперь она отравляет юриспруденцию. Правильно сказал проф. Н.А.Гредескул: „Римские юристы создали книгу гражданского права, а мы, их последователи, до сих пор только читали и перечитывали эту книгу на разные лады. Но время переросло чтецов и переписчиков, оно требует самостоятельных мыслителей”. Оттого римское право по ретроградности своих тенденций для данного времени, является теперь весьма нездоровой пищей⁹.

И „Славянские известия“, на чьих страницах изложил свой план реорганизации юридического образования Вальденберг, и другие издания, с предубеждением относившиеся к римскому частному праву, принадлежали в большей своей части к **славянофильскому крылу** пореформенного консерватизма. Краеугольным же камнем славянофильского учения было утверждение неповторимости исторического пути России, коренным образом не совпадающего с судьбами Запада. Поэтому именно это течение русской консервативной мысли было обуреваемо сомнениями и подозрениями, вызывавшимися тесным знакомством русского юношества с такими фундаментальными атрибутами западной культуры как римское право и собственно латынь. „Классицизм противен русско-славянскому культурному типу. Славянский дух хотят напитать греко-латинской мертвечиной! Это – антинациональная система воспитания¹⁰”, – восклицал славянофильский „Свет“. Список прегрешений, за которые консерваторы, принадлежащие к рассматриваемому направлению, попрекали классическую модель образования был обширен, ибо старательно пополнялся все новыми и новыми обвинениями. Наиболее мягким среди них было утверждение о том, что классическая модель не справляется даже с заявленными ею же целями, полностью сосредотачиваясь на изучении лишь лингвистического аспекта античной культуры. „Добро бы дефекты незнания русской истории восполнило знакомство с античной культурой, с политическим и общественным устройством Рима и Эллады! Так и того не было. Знали только грамматику¹¹. Те, кто проявлял большую непримиримость, обличал классицизм не только в „пагубности для русской культуры“, но даже в „подготовке

⁹ Полезное подражание // Россия. 1900. № 280. С. 1–2.

¹⁰ Свет. 1911. № 344. С. 1.

¹¹ Там же.

наших сил к революции¹². Эти консерваторы, ставя на вид, что изучение давно минувших эпох безжалостно вытесняет из учебных программ изучение русской культурного наследия, предлагали произвести полную замену первого на второе: „Детей пичкают классическими Цезарями и Ксенофонтами, когда учащиеся не имеют понятия о русском эпосе, о былинах, о народной поэзии и героях“¹³. На взгляд консерваторов-панславистов классический компонент среднего образования следовало бы заместить компонентом общеславянским. Они доказывали, что „должно быть больше школьных предметов, посвященных славянству“, тогда как „сейчас все больше – про Рим и про Запад“¹⁴.

Переходя к отношению славянофильского течения в русском консерватизме к изучению римского права, то следует предварительно напомнить, что уже основатели славянофильства настаивали на генетической присущности России особого типа просвещения. Этот тип устремлен в первую очередь не столько на получение обучающимся прикладных знаний, сколько на его духовное совершенствование. „На Западе схоластические и юридические университеты – в Древней Руси молитвенные монастыри, сосредоточившие в себе высшее знание“, – при посредстве именно такой антитезы Иван Киреевский истолковывал глубинные причины запоздалого почти на полтысячелетия появления в России юридического образования¹⁵. Прямым следствием, вытекающим из этой общей посылки, явилась идея о той тлетворной секуляризации, которую вносит римское право в сознание и душу изучающих его. Эта мысль была подробно развита идеологами появившихся в нач. XX столетия националистических организаций. „Так называемая „цивилизация“ Древнего Рима была исключительно человеческая, направленная к достижению земных и преходящих благ. Сначала, по виду, как будто, Рим достиг чудодейственной роскоши, но она не дала счастья и вместо радостей заполнила жизнь казнями и преступлениями. Пал Рим – так же падет и нынешняя устроенная людьми жизнь цивилизованной Европы, желающей управляться исключительно человеческим слабым умишком“, – предрекал правый публицист кн. М. Н. Волконский¹⁶.

Славянофилы не могли разглядеть в римском праве тех сакральных первоисточков, наличие которых осеяло в глазах славянофилов и их духовных преемников законодательство иных народов древности. „Понятие преступности и позорности известного сорта поступков, которое легло в основание всех сводов законов, почти тождественно во все века и у всех народов. Оно выразилось в заповедях Моисея и даже ранее – в уложениях Индии, Китая, Персии, Египта. Древнейшие религии, скрывавшие основную идею единобожия под символической пестротой идолопоклонства, все же учили добру, проповедуя те же добродетели и карая те же

¹² Некрасов П. А. Школа, воспитательное образование и задачи гуманизма // Колокол. 1907. № 461. С. 2–3.

¹³ А. В. Оздоровление средней школы // Русское знамя. 1914. № 39. С. 2.

¹⁴ А. Я. Славянская взаимосвязь и школьное воспитание // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1906. № 8. С. 589–595.

¹⁵ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы // Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. М., 1861. Т. 2. С. 275.

¹⁶ Волконский М. Н. Б/н. // Русское знамя. 1912. № 68. С. 1.

пороки, которые перечислены в заповедях Моисея, ставших основой законов христианского мира. Века проходили, но все же легко было найти руководящую нить, связывающую новые законы со старым бессмертным и неизменным понятием о добре и зле, о необходимом и губительном. Покуда эта связь чувствовалась всеми народами и всеми сословиями каждого народа, до тех пор не было разлада между судебными учреждениями и населением страны. Теперь же между русским народом и русским судом образовалась глубокая пропасть¹⁷, – отмечало праворадикальное „Русское знамя“. Как видим, Рим с его законами в этом перечне отсутствуют. Более того, дается понять, что как раз с утверждением секуляризованного правосознания, возвращенного на почве римского права, связано образование „глубокой пропасти“ между народом и правоприменителями.

Боязнь, что изучение теории права (и, в том числе теории гражданского права, в качестве которой выступала догма римского права) будет подтачивать представления о добре и зле, выработанные в лоне религии и традиционной морали разделял, к слову сказать, и такой далекий от славянофильских увлечений монарх, каким был Николай I. Любопытно признание, сделанное им барону М. А. Корфу относительно своей подготовленности в области права. „Не надо слишком долго останавливаться на отвлеченных предметах, которые потом или забываются, или не находят никакого приложения в практике. Я помню, как меня в детстве мучили два очень ученых человека. Один толковал о римских, немецких и Бог знает, каких еще законах. Другой – что-то о мнимом „естественном праве“. На уроках этих господ мы, великие князья, или зевали, или рисовали какой-нибудь вздор, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбежку, без пользы для будущего. По-моему, лучшая теория права – добрая нравственность, а она должна быть в сердце независимо от этих отвлеченностей и иметь своим основанием религию“¹⁸.

Проект Вальденберга о преподавании русских политических учений в противовес изучению римского частного права не являлся единичным примером желания консерваторов-славянофилов скорректировать содержание учебных программ таким образом, чтобы удалить дисциплины, препятствующие (или, во всяком случае, не способствующие) усвоению учащимися традиционных ценностей. Так, архиепископ Вольнский Антоний (Храповицкий) по поручению Св. Синода разработал новый вариант Устава Духовной Академии, где, в частности, предложил „взамен ничего общего с богословием не имеющего латинского языка усилить изучение богословских учений всех православных народностей“¹⁹. Показательно, что и в том и в другом случае в разряд подлежащих устранению предметов попали те, которые напрямую были связаны с культурным наследием Рима.

Впрочем, недоверие части консерваторов-славянофилов к более или менее глубокому изучению собственно латыни усугублялось еще и тем, что латынь тесно ассоциировалась ими с католицизмом. Католицизм же изначально воспринимался этой группой консерваторов в качестве заклятого врага и православия, и покрови-

¹⁷ А. Б. Закон Божий и суд человеческий // Русское знамя. 1913. № 48. С. 2.

¹⁸ Б. III. Наши исторические журналы // Московские ведомости. 1903. № 200. С. 3.

¹⁹ В чем спасение? // Русская земля. 1909. № 904. С. 2.

тельствующей православию русской государственности. В связи с этим показательна реакция старейшей монархической газеты „Свет“ на слух о грядущем введении в Училище Правоведения „обучения воспитанников *практическим разговорам* на латинском языке“. Позиционировавшее себя как выразителя славянофильских идеалов издание вознегодовало: „Зачем это нужно – не ведаем, и понятия отказываемся!“ Введение *разговорной* латыни, преподавателем которой предполагался к тому же ксендз, есть, по мнению обозревателя „Света“, осязаемые приметы того, что в Училище плетется сеть католическо-иезуитской интриги. Но любопытны некоторые особенности этого отклика, демонстрирующие, что все же существовали нюансы между отношением консерваторов-славянофилов к римскому частному праву и отношением к латыни как таковой. „Свет“ спешит заверить, что его возмущение нисколько не затрагивает ни изучения римского права, ни даже латыни в качестве вспомогательного предмета для изучения римского частного права, ибо „в основе науки права лежат древнеримские памятники, с которыми не справишься без хорошего знания латинского языка, отчего понимать латинский язык образованному юристу необходимо“²⁰. Этот сделанный консерваторами-славянофилами реверанс в сторону римского частного права, несомненно, примечателен.

Однако окрашенность в явственно консервативные тона мировоззрения отдельных романистов (а таковых, даже если не брать хрестоматийный пример Б. В. Никольского, среди университетской профессуры было немало) в какой-то мере примиряла с римским правом и те направления в русском консерватизме, в которых идея о благодетельном значении римского права вовсе не культивировалась. Об этом можно судить хотя бы по появившемуся в „Русском знамени“ некрологу, посвященному профессору В. А. Юшкевичу, преподававшему римское право в Училище правоведения (С.-Петербург) и Лицее в память цесаревича Николая (Москва). Как мы помним, это праворадикальное издание неутомимо сражалось с распространением на общинную землю режима частной собственности, который ассоциировался у „Русского знамени“ именно с канонами римского права. Тем не менее все это не помешало автору некролога, который, по его признанию, „близко знал покойного и еще так недавно сдавал пред ним его любимое римское право на государственных экзаменах“, воздать должное всему, сделанному В. А. Юшкевичем для отечественной романистики. В первую очередь указывается то, после чего В. А. Юшкевич „получил известность“ – редактирование, включая „массу очень ценных для юриспруденции примечаний“, учебника „Институций“ фон Гилерта (в переводе Галемана), до сих пор считающегося „после „Пандект“ Дернбурга лучшим руководством для рационального изучения римского права“. Но для публициста „Русского Знамени“ не менее важно было и то, что В. А. Юшкевич „был – как он раз заявил о своем политическом credo – беспартийным, но убежденным правым“, что хотя „он и не был „нашим“ в полном смысле этого слова, т.е. не принадлежал ни к Союзу русского народа, ни к родственным Союзу по духу

²⁰ `Русак`. Интересы дня // Свет. 1911. № 3. С. 1.

политическим организациям, но он был непоколебимым другом законности и порядка²¹.

Знаменательно и то, что, хотя, как было показано, представители славянофильского течения с опаской относились к изучению римского частного права и к перспективам его дальнейшей рецепции русским правом, но и в этом секторе консервативной мысли к началу XX века можно проследить известный пересмотр той отрицательной оценки римского частного права, что была свойственна т.н. „старшим“ (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков) и „младшим“ (И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин) славянофилам. Так, газете „Свет“, рассматривавшей себя в качестве идейного наследника славянофильства, принадлежит буквально апология римской цивилистики и ее роли в правовом развитии человечества. „Римские памятники времен царя Юстиниана важны всякому юристу, желающему самостоятельно до тонкости изучать действующее теперь гражданское законодательство Италии, Франции, Германии. Все они выросли из римского права как общего корня. Отражение римских начал можно найти и во многих русских законодательных актах. Поэтому римское право с его источниками, с его историей и догматикой – обязательный и очень важный предмет на юридических факультетах всех наших университетов, а также в Училище Правоведения и в Александровском лицее“²². Не скроем, славянофильское кредо газеты проявилось в подчеркивании того, что Юстиниан – это „наш славянский Управда“. Но заостренность вопроса об этническом происхождении создателя знаменитого Кодекса ничего не меняет в главном – определенном улучшении отношения части консерваторов-славянофилов к римскому частному праву.

II

Среди консерваторов имелись и сторонники классической модели образования, и принципиальные защитники римского частного права как ведущей юридической дисциплины.

Нельзя упускать из виду, что наряду со славянофильским течением, в целом недружелюбно относившимся к римскому частному праву, существовало и другое направление, которое в литературе иногда именуют „государственничским“, „охранительным“ (в узком значении этого слова), „ортодоксально-консервативным“ и т.д. Его виднейшим представителем был, например, редактор „Московских ведомостей“ М. Н. Катков, оказавший значительное влияние на правительственный курс 80-х гг. XIX в. Эта разновидность пореформенного консерватизма, на словах признавая самобытность России, тем не менее, по сути, не видела непреодолимых различий между западноевропейским абсолютизмом и русским самодержавием. Консерваторы-„государственники“, в отличие от консерваторов-славянофилов, не только не были склонны идеализировать допетровский период и эстетизировать

²¹ „Черный“. За кем теперь очередь? // Русское знамя. 1908. № 220. С. 2.

²² „Русак“. Интересы дня // Свет. 1911. № 3. С. 1.

простонародные нравы, но видели в классическом образовании панацею от рискованного (с точки зрения интересов господствующего порядка) увлечения молодежи естественнонаучными знаниями, развивавшими нездоровую критичность, презрительное отношение к „преданиям“ (т.е. к той идеологии, на которой покоился традиционный социально-политический уклад).

Другое дело, насколько адекватно все богатство античной культуры могло быть передано при посредстве той „классической“ модели образования, которая утвердилась стараниями министров народного просвещения гр. Д. А. Толстого и гр. И. Д. Делянова и их идейных вдохновителей – М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева (бывших профессоров Московского университета, а на момент проведения учебной реформы – соредкторов „Московских ведомостей“). Но факт остается фактом: эта группировка консерваторов всегда горой стояла за предоставление почетного места латыни в учебных программах гимназий и римскому частному праву в системе высшего юридического образования.

Надо думать, не без влияния этой группы обязательный для учебных заведений Империи стандарт высшего юридического образования (а принят он был в эпоху консервативнейшую из всех, что знала пореформенная Россия) закрепил осведомленность в области римского частного права в качестве главного квалификационного условия, предъявляемого к выпускникам юридических факультетов. Вследствие признания римского права „основным требованием юридического испытания“ ему, понятно, не могло не отводиться „обширное место в факультетском преподавании“. Причем по тем именно соображениям, что право это, „действовавшее как всемирный закон, остается как всеобщая теория права и служит школой высшего образования для посвящающих себя не только судебному поприщу, но и вообще служению государству в правительственном деле“²³.

Так, „Московские ведомости“, тепло отозвавшись об опубликовании докторской диссертации Н. Боголепова „Формальное ограничение свободы завещания в римской классической юриспруденции“, не просто воздали ритуальные похвалы римскому праву, но без обиняков заявили, что римское право должно стать „центром университетского образования“²⁴. После назначения профессора Московского университета Н. П. Боголепова министром народного просвещения Российской империи „Московские ведомости“ публикуют составленную им автобиографическую заметку, где упор делался на описании истории знакомства и исследования римского права²⁵. И в дальнейшем в публикациях „Московских ведомостей“ можно встретить ссылки на мнение Н. Н. Боголепова, касающиеся изучения и преподавания римского права. Например, о важности скрупулезной работы с источниками римского права в рамках семинаров на юридических факультетах: „Если в Университете студент успеваеt набить себе голову множеством юридических фактов и теорий, но не научается работать с первоисточниками, то есть сам

²³ Экзаменационные требования, коим должны удовлетворять испытуемые в комиссии юридической. СПб., 1891.

²⁴ П. П. Библиографическая заметка // Московские ведомости. 1881. № 151. С. 3.

²⁵ См.: Новый попечитель Московского учебного округа // Московские ведомости. 1895. № 183. С. 4.

не умеет добывать эти факты и проверять эти теории – то лучше бы ему совсем не ходить в Университет. Он ничуть не продвинулся в своем умственном развитии, а между тем приобрел претензию на высшее общественное и служебное положение²⁶.

При ближайших преемниках М. Н. Каткова „Московские ведомости“ продолжали оказывать римскому частному праву знаки расположения. Так, по мнению редактора „Московских ведомостей“ и главы Монархической партии В. А. Грингмута, римское частное право нужно знать уже потому, что „законы Древнего Рима изучаются всем цивилизованным миром и составляют основу права в современных законодательствах“. Более того, В. А. Грингмут – филолог-классик по образованию, много лет руководивший Императорским Лицеом Цесаревича Николая, преподавая там римскую словесность – обращает внимание и на стилистически блестящую форму, отличающую источники римского частного права, ибо „выразительность, ясность, краткость, точность и определенность делает законы Рима художественными по языку и изложению“²⁷.

„Московские ведомости“ живо откликаются и на новинки романистической литературы. Высоко оценен был ими, например, труд проф. Н. Суворова „Об юридических лицах по римскому праву“²⁸. „Московские ведомости“ одобрили также прием, к которому прибег К. П. Победоносцев в своем труде „Курс гражданского права. Договоры и обязательства“, занявшись „сравнительно-законодательным изучением отдельных обязательственных договоров, начиная от права римского и переходя к главнейшим видам действующих европейских гражданских кодексов“²⁹. Обращение к компаративистской методологии, предполагающее сопоставление того или иного института русского гражданского права с цивилистическими институтами, существующими в других законодательствах, и прежде всего с римско-правовыми канонами, было сочтено „Московскими ведомостями“ чрезвычайно полезным.

Показательны и большие некрологи, которыми „Московские ведомости“ почтили память двух знаменитых немецких романистов – „выдающихся знатоков римского права и судопроизводства“ Рудольфа Иеринга и Бернгарда Виндшейда. „В том номере мюнхенской „Всеобщей газеты“, где помещалась программа лекций, предполагаемых к прочтению в Геттингенском университете под рубрикой „юридический факультет“, на первом месте обычно значилось: „Пандекты, проф. Рудольф фон Иеринг“. Эта публикация манила немало правоведов из всех стран в старинный университетский город Тюрингии в надежде прослушать курс римского права от самого знаменитого и блестящего преподавателя этого предмета...“. Консерваторам, отголоском воззрений которых служили „Московские ведомости“, не в последнюю очередь импонировало то, что Р. Иеринг никогда „не искал дешевой

²⁶ Грибовский В. В. Отзыв об юридических факультетах в России // Московские ведомости. 1898. № 113. С. 5.

²⁷ Цит. по: Диктатура // Русская земля. 1907. № 338. С. 3.

²⁸ Р. Исследование по юридическим лицам // Московские ведомости. 1900. № 84. С. 4.

²⁹ Борзенко А. Непоколебимость договоров по науке права и судебной практике // Московские ведомости. 1890. № 305. С. 6.

популярности и не угождал каким-либо модным веяниям или политическим направлениям, не стесняясь отстаивать свои взгляды, хотя бы они шли вразрез с укоренившимися и общераспространенными мнениями, считавшимися непогрешимыми, никогда не отступая от научной истины ради каких бы то ни было софизмов“. В назидание русским либеральным юристам, считавшим автора „Борьбы за право“ за своего, „Московские ведомости“ заостряют внимание на принципиальной оценке Р. Иерингом суда присяжных. „Когда в 1889 г. в Германии разгорелся спор о пользе и достоинствах суда присяжных, Иеринг не побоялся пойти вразрез с общественным мнением своей страны. На одном из съездов юристов Иеринг сказал: „Введение суда присяжных несомненно содействовало в свое время конституционному устройству большинства европейских государств и эту заслугу я готов признать за этим судом, несмотря на все его недостатки. Иное дело, когда мы станем смотреть на суд присяжных как на институт постоянный, сохранить который желательно навсегда. В этом смысле я должен оспаривать пользу этого института и убежден, что настанет время, когда народы скажут: „Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться“...“³⁰. Вместе с тем „Московские ведомости“ видели объяснение моды на Иеринга в либеральных кругах тем, что Иеринг „обращал наибольшее внимание на философскую отвлеченную сторону римского права“, ибо сам „обладал пламенной и увлекающейся фантазией“³¹.

Своеобразие же дарования Бернгарда Виндшейда „Московские ведомости“, напротив, усматривали в деловой складке: „...Позитивный Виндшейд всецело сосредотачивался на практических целях своей любимой науки“. Выдвигая на первый план заслуги обладавшего „характером администратора и государственного человека“ профессора-романиста в деле государственного строительства, „Московские ведомости“ полагали, что его „особенной заслугой должна быть признана патриотическая ученая деятельность в Комиссии по выработке общего Гражданского Уложения, где Виндшейд немало потрудился для своего Отечества и в великой степени содействовал объединению Германии под одной властью“³².

Вообще, немецкая система преподавания римского права у консерваторов-государственников, объединившихся вокруг „Московских ведомостей“, невзирая на всю их антигерманскую внешнеполитическую ориентацию, пользовалась необычайно высоким престижем. Для этой благосклонности помимо общепризнанного профессионализма романистов Германии имелась и еще одна существенная причина. Они усматривали одно из объяснений необычайно высокой политизированности русских университетов, превращавшей последние в рассадник радикальных идей и пристанище более или менее антигосударственных элементов, в положениях Университетского Устава 1863 г. Устав был принят в сравнительно либеральную эпоху и предоставлял профессорам, как ординарным, так и экстраординарным, довольно широкую свободу как в выборе тематики преподаваемых курсов, так и в определении их содержания. Такие вольности, помноженные на

³⁰ Г. Рудольф фон Иеринг (некролог) // Московские ведомости. 1892. № 252. С. 4–5.

³¹ Бернгард Виндшейд (некролог) // Московские ведомости. 1892. № 291. С. 5.

³² Там же.

слабую подготовленность преподавательских кадров в области фундаментального знания, и кружащее головы отдельным профессорам желание легкими путями снискать себе популярность среди студенческой массы привели, по мнению консерваторов, к „моде читать в области общественных наук не полные курсы, а какие-то отрывки по отдельным вопросам, почему-либо интересовавшим лектора“ и вдобавок „отмеченные тенденциозным оттенком“. Сравнение же положения дел в отечественной системе высшего юридического образования с постановкой соответствующего образования в Германской империи обескураживало консерваторов явной невыгодностью такого сопоставления для России. „Курсы наших профессоров-юристов, – с заметным сожалением указывали „Московские ведомости“, – далеко не отличались строгой выдержанностью и полнотой, которыми проникнуты соответствующие курсы в германских университетах“. Едва ли не главный секрет того, что наставники будущих юристов в Германии „вместо заигрывания с учащейся молодежью стараются внушить своим слушателям уважение к созданным и поддерживаемым веками институтам собственности, брака и наследства“, консерваторы были склонны видеть в серьезнейшем освоении здесь римского права. Веруя в ничем не незаменимую, с охранительной точки зрения, пользу, приносимую изучением римского права, „Московские ведомости“ не скрывали того, что, на их взгляд, удручающее положение, сложившееся в высшем юридическом образовании, могло быть исправлено лишь „новым поколением профессоров-юристов, которые бы вместо избитых общих мест дали бы своим слушателям твердые положительные знания, почерпнутые от корифеев юридической науки в Германии“³³.

В свете изложенного естественно, что предпринятая Министерством народного просвещения инициатива отправки в ведущие немецкие университеты молодых русских юристов в целях стажировки в области романистики (1887 г.) и усилия, предпринимаемые в этом направлении председателем Ученого комитета министерства А. И. Георгиевским (непосредственным куратором этого проекта), получили искреннюю поддержку тех консерваторов, чьей трибуной являлись „Московские ведомости“. После того как миновало пять лет с момента основания в Берлине семинара для стажеров из России с преподаванием, сводившимся „к чтению и интерпретации Юстинианова законодательства“ и ведущимся на немецком языке, „Московские ведомости“ предоставляют свои страницы для обстоятельного отчета о его работе.

Стремясь показать, что слушатели семинара, которые уже занимают или которым еще предстоит заместить кафедры римского и гражданского права в русских университетах, получают знания по римскому праву от светил не только немецкой, но мировой романистики, „Московские ведомости“ подробно рассказывают о каждом профессоре семинара. „Профессор Экк заведует той частью преподавания, в которой так нуждаются русские университеты, показывая как абстрактные положения сухой догмы римского права получают применение в самой жизни, отвечая практическим потребностям гражданского оборота. Как

³³ Московские ведомости. 1893. № 146. С. 5.

известно, римское право является в Германии действующим, оно составляет здесь часть т.н. „*Gemeines Recht*“, дополняя пробелы гражданских кодексов. Другой профессор – Пернице (Pernice) является после смерти Р. Иеринга единственным основательным знатоком истории римского права. Из его семинарий, где интерпретируется комментарий Гая, один из самых ценных источников, завещанных нам эпохой классических юристов, наши ученые выносят тот строгий критический подход к источникам права, который составляет *conditio sine qua non* научного отношения к делу. Благодаря занятиям с профессором Пернице, наши будущие профессора будут черпать исторические сведения не из вторых рук, а непосредственно из строго проверенных и изученных памятников римской юриспруденции. Профессор Дербург, „Пандекты“ которого теперь служат здесь для *Staatsexamen*'а, заведует этой великой отраслью преподавания, сообщая членам семинарии вековой запас юридической мудрости, выработанный в лаборатории трудолюбивого немца“. Далее подчеркиваются внушительные результаты обучения римскому праву в немецких условиях, в частности то, что „уже девять слушателей (Катков, Смирнов, Гуляев, Пассек, Тиле, Веймар, Соколовский и Дымовский) занимают доцентские места в России, труды некоторых из нынешних слушателей – Колятинского, Кривцова, Покровского и Петражицкого – также известны“. Завершают статью про берлинский семинар пожелания „процветания этому полезному учреждению, долженствующему дать нашим юридическим факультетам профессоров, стоящих на высоте европейской науки“³⁴.

Когда на рубеже XIX–XX вв. на страницах русской печати завязалась дискуссия относительно плодотворности изучения римского права (по крайней мере, в столь значительных объемах) для подготовки юридических кадров, „Московские ведомости“ оказались в первых рядах защитников непреходящей важности римского права для профессионального юридического образования. При этом им приходилось отражать нападения не только со стороны либеральной или демократической печати. К примеру, „Московские ведомости“ крайне отрицательно отнеслись к точке зрения, нашедшей себе приют во вполне консервативном (по крайней мере, на тот момент) органе печати – газете „Новое время“, о том, что, „пока студент добирается до законов своей страны, его долго душат римским правом, кодексом Юстиниана и разными совершенно ненужными для науки определениями юридических понятий, данными римскими юристами“, поскольку-де „римским правом расширяются юридические понятия и мы должны изучать юриспруденцию *ab ovo*“³⁵. Сразу же откликнувшись на такое „весьма своеобразное объяснение невежеству молодых юристов“, „Московские ведомости“ камня на камне не оставили от аргументации укравшегося под псевдонимом „*Ergo*“ автора статьи, появившейся, подчеркнем, в самой влиятельной и тиражной газете Российской империи. „Проповедь изгнания римского права из университетского курса не нова, но в данном случае она совсем уже не имеет никакого смысла, ибо молодые юристы оказываются одинаково невежественными как в римском, так и в русском

³⁴ Л. Б. Русская юридическая семинария в Берлине // Московские ведомости. 1893. № 146. С. 5.

³⁵ *Ergo*. Б/н // Новое время. 1902. № 9532.

праве. При таких условиях можно говорить об усилении научных требований, а не об их ослаблении³⁶, – таков заключительный аккорд отповеди, обращенной ко всем покушающимся на особое положение римского права в сонме прочих юридических знаний³⁶.

Даже „Московские ведомости“ поддержали идею о важности массированного изучения обычаев на юридических факультетах университетов Российской империи. „Для того, чтобы крестьянские суды содействовали развитию правомерного порядка среди многомиллионного крестьянского населения, отвечающего бытовым и историческим условиям народа, необходимо, чтобы русские университеты пришли на помощь великому делу изучения и развития национального права русского народа. Теперешние программы юридических факультетов не отвечают жизненным потребностям русского народа. Недостаточно еще знакомить студентов с писаными законами страны, но необходимо знакомить еще и с русским обычным правом. Таким образом, открытие кафедр обычного права является важным делом для обеспечения крестьянскому населению суда, отвечающего жизненной и материальной правде, и для национального развития русского народа в сфере правовой жизни“³⁷. „Московским ведомостям“ также пришла по душе мысль, прозвучавшая в одном из столичных изданий насчет того, что „при громадном большинстве мужицких дел вовсе не требуется знания римского права, кодексов Юстиниана и Наполеона I, а достаточно знать лишь элементарные основы русского законоведения“. Отчего для удовлетворения правовых нужд русской деревни надо „учредить низшие и средние юридические школы для подготовки сельских адвокатов“³⁸.

В свой черед, патриарх консервативной журналистики журнал „Русский вестник“ (издание, основанное М. Н. Катковым и верное намеченному им курсу на поощрение классицизма в среднем и высшем образовании) возразил против введения в учебный план гимназий законоведения – как раз ввиду того, что введение законоведения, включающего философию права, государственное право, уголовное право и процесс, гражданское право и процесс, должно было производиться за счет одновременного сокращения преподавания латыни. В таком случае, предупреждает „Русский вестник“, на юридических факультетах „окончательно перестанут учиться, ибо эти науки уже серьезно изучаться студентами не будут, а для изучения римского права не будет хватать знания латыни, а в результате судебное ведомство лишится образованных юристов“³⁹.

В связи с этим нельзя не остановиться и на бурной реакции видного консервативного издания „Русская земля“ по поводу эпизода, имевшего место на одном из заседаний „Кружка помощников присяжных поверенных, посвятивших себя изучению гражданского права“. Автора статьи, напечатанной в „Русской земле“ за

³⁶ Римское право виновато // Московские ведомости. 1902. № 259. С. 4.

³⁷ Судебно-крестьянская реформа // Московские ведомости. 1897. № 261. С. 2.

³⁸ См.: Глубоковский Н. Распространение юридического образования // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. № 296; Вопрос о распространении юридического образования // Московские ведомости. 1896. № 299. С. 3.

³⁹ Упразднение просвещения // Русский вестник 1901. Сентябрь. С. 274–275.

подписью „Старый юрист“, взбудоражила лекция „Живем ли мы до сих пор под действием римского права?“, прочитанная перед участниками кружка профессором Московского университета С. А. Муромцевым, а именно то, что этот маститый исследователь римского частного права, отвечая на вопрос, стоящий в названии лекции, заявил: „Мы не живем более под действием начал римского права, а потому изучать его не стоит. Перенимайте хорошее у других людей, но у людей живых, действующих в культурных условиях современности“. Ужаснуло и то, что „собрание поддержало мысль об излишности изучения римского права и в похоронах римского права приняли участие также проф. Шершеневич и прив.-доц. Кистяковский“. „Бедное римское право! Бедные профессора римского права, сами себя упраздняющие! Бедные „нео-юристы“, обрекающие себя на невежество!“, – с саркастической горестью восклицает „Старый юрист“⁴⁰.

Небезынтересен и тот комментарий, которым редакция (редактором, между прочим, являлся С. Глинка) посчитала нужным сопроводить данную публикацию. В приведенных в статье фактах редакция предлагала видеть исполнение международного заговора по разрушению Церкви и Государства, дабы затем создать „царство золотого тельца“. Поскольку же, „римское право является той стройной системой гражданско-правовых отношений, которая развила во всем мире понятие о праве“, то неприятели исторической и национальной государственности не могли не ополчиться и против римского права – „в этом проявляется последовательный ход разрушения современных государств“. Что касается самого Муромцева, то он для консерваторов был в первую очередь не столько знатоком римского частного права, сколько председателем крамольной I Государственной Думы – той самой Думы „народного гнева“, депутаты которой преимущественно рассуждали о незамедлительной потребности принудительного отчуждения земли, а после ослушались монаршего указа о роспуске Думы и устремились на „преступное сборище“ в Выборг, за что были (не исключая и экс-председателя) привлечены к уголовной ответственности и осуждены на тюремное заключение. Поэтому редакция истолковала побудительные мотивы столь экстравагантного поступка профессора римского частного права следующим образом. Муромцев с легким сердцем пошел на публичное „самоупражнение себя как человека науки“, поскольку „сторицей выигрывал как наемник масонов“ и вдобавок ничего не терял, зная, что ввиду „университетской автономии правительство не решится выбросить с кафедры будто бы никому не нужный предмет“⁴¹.

Как видим, „охранительное“ направление русского консерватизма воспринимало римское право как неотъемлемый компонент окружающей их юридической действительности, как систему норм, существующих издавна (а это само по себе в

⁴⁰ „Старый юрист“. Самоупражнение // Русская земля. 1908. № 831. С. 2–3. – Мы можем лишь предположить, что в своем докладе (с которым, надо сказать, „Старый юрист“ ознакомился не непосредственно, а по газетному пересказу) С. А. Муромцев, будучи единственным в отечественной романистике представителем социологической школы, развивал свои методологические идеи, приглашая сменить догматический аналитический инструментарий, обычно применяемый при разработке римского права, на социологический. См.: Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М., 1878.

⁴¹ От редакции // Русская земля. 1908. № 831. С. 3.

глазах консерватора оборачивалось несомненным плюсом) и к тому же в обширной своей части воспринятых законодательством Российской империи. Соответственно, представители этой когорты русского консерватизма квалифицировали любую – реальную ли, мнимую ли – перчатку, брошенную римскому частному праву, не только как беспардонный вызов юридическим канонам, проверенным на прочность веками, если не тысячелетиями, но и как дерзкую попытку потрясти собственно самодержавие, в чью правовую систему интегрировались римско-правовые нормы.

* * *

Таким образом, римское право применительно к идейной ситуации второй половины XIX – начала XX вв. оказалось в роли одного из интеллектуальных объектов, рельефно отобразивших противоборство тех взаимоисключающих систем ценностей, которым, собственно, и определялся духовный климат пореформенной России.